

**КСЕНОПСИХОТЕРАПИЯ:
КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ В
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ**

М. Р. АРПЕНТЬЕВА — к. психол. н., доц.,
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
(г. Калуга, Россия)

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей трансформация понимания себя и мира человеком, путешествующим в космосе. Данные изменения описываются в контексте их развивающей, психотерапевтической, функции. Отмечаются феномены, компоненты и пути развития понимания себя и мира, космической идентичности человека в целом. Раскрываются основные отличия развития человека, его понимания себя и мира, в разных типах отношений. Показаны взаимодействие и взаимное воздействие включенных в диалог субъектов, постигающих себя и мир доступными им способами, трудности и возможности взаимопонимания на пути построения трансперсональных отношений. Формирование и развитие трансперсональных отношений рассматривается как специфическая особенность отношений человека, со сформированной или формирующейся космической идентичностью.

Ключевые понятия: ксенопсихотерапия, космическая идентичность, путешествующая психика, трансперсональное взаимодействие, интерперсональное взаимодействие.

**XENOPSYCHOTHERAPY:
SPACE TRAVEL AND TRANSFORMATION IN SCI-FI WORKS**

MARYAM ARPENTIEVA — Ph.D. of Psychology, Associate Professor,
Tsiolkovsky Kaluga State University
(Kaluga, Russia)

The article analyzes the peculiarities of transformation of understanding yourself and the world a man traveling in space. These changes are described in the context of their educational, psychotherapeutic, functions. Observed phenomena, components, and development ways of understanding themselves and the world, the cosmic identity of man in General. Describes the main differences of human development, his understanding of himself and the world, in different types of relationships. Shows the interaction and mutual influence are included in the dialogue of the actors, comprehend themselves and the world available to them, the difficulties and possibilities of understanding on the transpersonal way of building relationships. The formation and development of transpersonal relationship is viewed as a specific feature of human relations, with formed or emerging cosmic identity.

Key Words: xenopsychotherapy, cosmic identity, traveling mentality, transpersonal interaction, interpersonal interaction.

Помимо притягательности вымысла и попыток проектирования и/или ретроспектирования жизни человека и человечества как космических существ,

© Арпентьева М. Р., 2015

научно-фантастические произведения о космических путешествиях включают попытку осмысления человеческой жизни и развития человека не изнутри его самого, привычных ему пониманий себя и мира, а извне — со стороны возможных — иных пониманий, представленных иными реальностями и существами. «Инопонимание» как «артефакт» или факт космического путешествия как путешествия в «запредельное», в жизни человека и человеческого сообщества всегда связано с моментами их интенсивного развития [Базалук, 2012; Базалук, 2014]. С точки зрения психологической, инопонимание — важнейший компонент и результат психотерапевтического взаимодействия, взаимодействия «Своего» и «Чужого». Поэтому контакт человека с иными формами и временами жизни может быть рассмотрен как форма психотерапевтического взаимодействия, реализации психотерапевтических (ксенопсихотерапевтических) отношений. Примером этих отношений, несомненно является «космический туризм»: практика, благодаря которой люди, пресыщенные жизнью на Земле, то есть, по сути, достигшие по своим ощущениям состояния наибольшего и полного понимания себя и мира с точки зрения своей «земной идентичности», получают возможность «встряхнуть» себя и окружающий их мир, сменив «земную идентичность» на идентичность «космическую». Насколько это удастся в каждом конкретном случае и какие артефакты и тенденции здесь можно выделить — вопрос отдельный, ему и посвящено наше исследование. Однако, сам факт изменений — очевиден: сама сложность выхода в космос уже выступает как вариант «инициации» личности, терпящей неудобства и переживающей дискомфорт ради нового, иного понимания себя и мира. Поскольку уровень и другие характеристики «иного» существенно отличаются от окружающей человека повседневности, обращены к ответам на вопросы: «Кто мы такие? Что мы делаем на Земле?», «Для чего мы рождены?», то складывающиеся в поиске ответов на данные — экзистенциальные — вопросы отношения — должны быть не просто обыденными психотерапевтически-ориентированными, но и содержать развернутую и осмысленную информацию о профессиональной психотерапии, в особенности таком ее глубинном аспекте, как изменение ценностей человека и способа его жизни, трансперсональности или интерперсональности человека. Это представление встречается, например, в произведениях С.Лема, А. И Б.Стругацких, И.Ефремова и др., которые, помимо богатой творческой фантазии, опирались на источник вдохновения иного плана: реальные переживания человека, людей, переживших опыт трансперсонального и интерперсонального бытия. И если интерперсональное бытие, интерперсональная идентичность, встречается в ряде случаев, особенно в психотерапии и консультировании, и в пределах земных типов отношений, отношений человека в рамках его «земной идентичности», то трансперсональное бытие, описанное в трансперсональной философии и психологии, а также в исследованиях космоса и космонавтов, — преимущественно опыт «космической идентичности»: человек как «гидра вселенной» осознает не просто взаимосвязь, но единство с окружающим его универсумом. Трансперсональный опыт многослоен, однако, важнейшим в нем является парадокс приближения: чем дальше человек выходит в космос и ощущает себя существом космоса, тем в большей мере он переживает свою внутреннюю суть — свою уникальность, а уникальность — как всеобщность [Солер, 1992]. Поэтому целью нашего исследования

было сопоставление двух моделей — профессионально-психотерапевтических отношений «на земле» и модели отношений, условно названных нами ксенопсихотерапевтическими — профессионально-психотерапевтических отношений в ситуации контакта с «иным» («чужим») [Шупунов, 1992, Рутан, 2009, Legatt, 2011].

В качестве метода исследования выбран контент-анализ научно-фантастических произведений, который осуществлялся нами в нескольких направлениях:

1. Анализ представлений о психотерапевтических возможностях обыденных (повседневных) межличностных отношений;
2. Анализ представлений о ксенопсихотерапевтических отношениях и ксенопсихотерапии (как области психологического знания о процессах и результатах взаимодействия представителей разных — земных и внеземных цивилизаций и контактах с ними).

Анализ психотерапевтических возможностей обыденных (повседневных) межличностных отношений включал ряд аспектов:

- А) анализ представлений о распределении и содержании ролей «психотерапевта» и «клиента» в обыденных взаимоотношениях;
- Б) анализ ситуаций, выступающих как психотерапевтические — условия, при которых ситуация взаимодействия становится психотерапевтической.

Анализ представлений о психотерапевтических отношениях и психотерапии в научно-фантастических произведениях также включал:

- А) анализ представлений о содержании ксенопсихотерапии, ролей «ксенопсихотерапевта», «ксеноклиента»;
- Б) анализ всенопсихотерапевтических ситуаций — условий, при которых ситуация взаимодействия приобретает статус всенопсихотерапевтической — развивающей, выводящей за пределы привычного понимания себя и мира, в том числе, приводящих к осмыслению своей космической идентичности.

Обыденные психотерапевтические отношения

В рамках первого направления исследований проведен контент-анализ 30 отобранных текстов научно-фантастических произведений, принадлежащих 30 разным авторам (Ефремов И., Стругацкие А., Б., Булычев К., Кизи К., Лем С., Линдсей Дж., др.) с явным «психолого-психотерапевтическим содержанием», наличием «психотерапевтической ситуации»:

- наличием героя (героев), которому (которым) требуется психологическая помощь;
- поддержка и героя (героев), который (которые) ему эту поддержку оказывают;
- описание ситуации психотерапевтического контакта, различных его стадий.

Выделено несколько типов действующих лиц, претендующие на звание «психотерапевтов» и /или «посредников», «клиентов», «супервизоров», а также несколько типов проблемных ситуаций, служащих как источниками психологической травмы, так и психотерапевтическими (развивающими) ситуациями:

1. Ситуации «добровольного» «столкновения с реальностью», в том числе, с инопланетной реальностью, встречи с «реальностью другого», в которых субъ-

ект (герой, героиня) обнаруживают необходимость пересмотра своих представлений о себе и мире и/или необходимость помощи другим в их пересмотре (70%). Или сама реальность других людей или реальность ситуации «вторгается» — в результате «космической» катастрофы, «срыва» научного эксперимента, нападения на космическую экспедицию или экспедицию в прошлое/будущее — в понимание субъекта, ставя его перед осознанием непонимания и необходимости выбора — нового понимания реальности или непонимания. В данном случае мы имеем дело с героями, заинтересованными друг в друге (отношениях друг с другом). Не только с точки зрения личностной, но и с общечеловеческой — межцивилизационной, не только в быденном, но и в научном аспектах. Они интересуют друг друга как люди, обладающие выраженным стремлением к развитию личной силы (зрелости) и/или профессиональной компетентности через развитие своих внешних и внутренних ресурсов. Это, как правило, побуждает их выйти на прямой конфликт с ситуацией и другим человеком, создавшим эту ситуацию.

2. Длительно складывавшаяся ситуация, которая выступает центром конфликта — внутриличностного или межличностного — и которая требует преобразования — с помощью психологических средств, поскольку иные попытки решить ее не имели или не имеют или не могут иметь никакого результата (50%). «Клиент» либо не стремился скорее адаптироваться и «удержаться», развить свои ресурсы, привыкнув к неадаптивным способам поведения, и/или считал травмирующий опыт обычным — не ожидая помощи или принятия со стороны других людей. Скорее он активно избегает такой «помощи» как угрожающей потере его контроля над собой и ситуацией (другими людьми). В этом случае «клиент» становится «невольным пациентом», на которого воздействие осуществляется вне его воли или желания (43.3% случаев). Иногда «клиент» хочет «выбраться» — но не может — не хватает собственных ресурсов: он ждет своего «психолога» («ксенопсихолога»), но и опасается его — не зная, что ждет его за пределами известного (56.7%) — в том числе, не вполне понимая, что значит а) «быть человеком», б) быть существом, «гидрой» всей Вселенной, в) быть иным — «ящерицей Кластера» и т.п.

3. Необычная или привычная ситуация, которая выступает как источник психологической травматизации субъекта и, вместе с тем, как источник нового опыта — ситуация «ре-переживания» и переосмысления человеком себя и мира (20%). Успех помощи связан как с усилиями участников ситуации — «клиента» и «психотерапевта», заинтересованными в личностном росте клиента и/или развитии взаимоотношений друг с другом, развитии контактов между цивилизациями, так и их личностными особенностями (необычность и сила личности — ее развитие как преодоление собственных ограничений).

Таким образом, как и в случае «бульварных» и «психологических романов», речь идет о трех типах ситуаций: 1) потенциально травматичных, если субъект не изменит свое понимание и поведение, 2) актуально травматичных, из которых субъект не может или не хочет искать выхода, 3) ситуаций, имеющих двойственное психологическое значение — провоцирующих в силу своего сходства актуализацию «непроработанного» (травматического) опыта и содержащих в себе возможности его осмысления.

В качестве «психотерапевтов» выступают:

1. Главные герои, в отношениях которых разыгрывается основной конфликт, возникает непонимание, обычно обнажаются «отложенные» конфликты, самонепонимание и/или непонимание других людей (70%). Они часто имеют собственный опыт решения аналогичных проблем, который при необходимости раскрывают перед клиентом и/или «супервизором»;

2. Окружающие — сотрудники, близкие главных героев, а также представители иных цивилизаций, намеренно или ненамеренно провоцирующие возникновение в жизни героев необычных ситуаций и ситуаций, в которых актуализируется необходимость осмысления «жизненной рутины» героев (20%). Иногда — это умудренные жизнью — «вторично мудрые» («профессора», «гуру») или — чаще — напротив — невинные («младенцы, малыши» и «первично» мудрые субъекты, способные видеть «клиента» и его мир таким, каков он есть, а также самим быть клиентами — обучаясь у своих партнеров;

3. Более «отдаленные» от героев субъекты — из «своего» и «чужого» мира, столкновение с которыми побуждает героев задуматься о точности своего понимания себя и мира (20%). Они могут предлагать альтернативный имеющемуся у клиента способ осмысления мира и способ жизнедеятельности в целом.

В качестве «клиентов» выступают:

1. Главные герои, не понимающие ту или иную часть своего — или чужого — жизненного опыта и/или межличностных отношений (80%). Непонимание связано как с нежеланием понимать — частичностью понимания и использование защит — от понимания, так и неспособностью понять себя и мир, связанный с отсутствием опыта принятия (толерантности), «экспертной однобокостью», и/или ранним формированием дисфункциональных представлений о себе и мире в условиях подавления осознания, результатом «травм» и «нейрохирургических вмешательств», «потерей памяти и стиранием личности» во время экспериментов, катастроф и перемещения во времени и пространстве.

2. Окружающие героев близкие люди (70%), которых герои воспитывают, защищают или помогают решить конкретные жизненные проблемы, выйти из того или иного кризиса, проблемной ситуации — хронической или «острой» природы (26.7%). Проблемы этих клиентов сходны с проблемами предыдущих, однако, необычайно важны особенности культурно-исторического контекста развития «клиента» — с характерными для той или иной цивилизации — на том или ином этапе ее становления — культурно-исторически детерминированными нормативами поведения, понимания и ценностей (в том числе, с нормами «ксенофобии» и «толерантности»).

3. Группы клиентов, которые, в отличие от двух предыдущих групп не в состоянии справиться со своими проблемами — из-за генерализованности проблем, личностной слабости, отсутствии необходимых условий и помощи со стороны других — которая либо не может быть оказана, либо будет бесполезной в силу различных внутренних и внешних обстоятельств (40%). Более частое упоминание таких ситуаций свидетельствует о том, что в научно-фантастических произведениях большое внимание уделяется проблемам возможности понимания (взаимопонимания) разных людей — и, следовательно, возможностям изменения — субъектов и их отношений. Здесь мы встречаем все типы клиентов: и тех, кому может быть полезна собственно психологическая помощь, направленная на преодоление длительно действующих и ранних травм и связанных

с ними проблем-последствий, и тех, кому нужна психологическая поддержка для решения актуальной проблемы — задачи жизнедеятельности, и тех, кто сам — своим существованием и деятельностью — является «помощником» для других, а также тех, помощь как таковая кому не нужна — она не может быть принята — человек настолько «погружен» в свои проблемы и настолько к ним «привязан» собственным выбором — лжет себе и окружающим, например, что не сможет выйти из своего состояния, даже при помощи других людей.

Описание профессиональных ксенопсихотерапевтических отношений встречается достаточно часто и, как и в других случаях, как критическая пародия на «профессионализм» консультанта — ксенопсихолога, но также часто — и как «гимн» профессионализму и возможностям психотерапевтов-«ксенопсихологов» и «этнопсихологов». Критическое отношение «обыденного сознания» к профессиональной терапии и наоборот — профессионалов к непрофессионалам — может иметь ряд серьезных оснований. В одних примерах мы встречаемся с разновидностью «воздействующего» психотерапевта, задачей которого, все же является удержание «на лезвии бритвы» между любовью и властью, пониманием и вмешательством, отчуждением и зависимостью. Поэтому он обычно сам «ищет» себе клиентов, начиная помогать, исходя из собственного представления о необходимости помощи, однако, рефлексировав основания своего вмешательства и его результаты — для себя, клиента, окружающих.

В проанализированных научно-фантастических текстах понимание психологом «воздействующей» ориентации своего клиента направлено на «привычный» поиск источников и характера его проблем, «психо-патологии», обнаружение и вычленение для него и для окружающих «ошибочности» его понимания мира. Такие ошибки связаны с влиянием психологических проблем клиента, характером искажений. Для специалиста типичны «конструктивная» агрессия и поиск способов «ограничить» себя и мир от вмешательства «клиента».

Понимание клиентом психолога включает осознание особенностей его поведения и самого понимания — как «отгадчика», его пронизательности — в рамках его социокультурной, в т.ч. профессиональной принадлежности. Характерны ответные агрессивные реакции и поиск способов «ограничить» себя и мир от вмешательства непрошеного «консультанта», сменяющееся осознанием невозможности «поколебать» его понимание и изменить характер взаимодействия с «консультантом».

Как правило, понимание психологом ситуации включает поиск внутреннего и внешнего одобрения — подтверждения своему поведению и пониманию — у «ко-терапевта», их сопоставление, принятие решения о вмешательстве в ситуацию и ее изменению. Выбор способа вмешательства связан с осмыслением характера понимания клиентами себя и окружающего мира.

Далее понимание психологом клиентов предполагает исследование их понятий, изучение неточностей и несоответствий понятий, сопоставление понятийных представлений и «реальности», выявление и сопоставление критериев реального-субъективного, указание клиентам на ошибки и ограничения их понимания, демонстрацию собственного понимания — его безошибочности и возможностей — и своих критериев. Ответное самопонимание клиента включает осознание своих понятий, изучение неточностей и несоответствий понятий, сопоставление при помощи консультанта понятийных представлений и «ре-

альности», выявление и сопоставление критериев реального-субъективного, осознание клиентами ошибок и ограничений собственного понимания, в противовес пониманию консультанта — «безошибочному», дающему новые возможности осмысления происходящего и имеющему четкие критерии. Понимание клиентами ситуации включает далее осознание ее многозначности и различия существующих позиций, наличия общих и частных «критериев» истинного и реального, важности их соотнесения, взаимосвязи определения — понимания — ситуации участниками и направления ее развития, трудностей, возникающих при переопределении ситуации у разных субъектов.

Рефлексивный компонент понимания включает понимание клиентами консультанта и предполагает процесс индоктринации — усвоения транслируемого консультантом психотерапевтического мифа. Типичны развитие интереса к консультанту и его позиции, видению и поведению, стремление к осознанию критериев и понятий консультанта, далее — развитие позиции и понятий консультанта — анализ хода понимания и результатов понимания, изменения в осмыслении обсуждаемой реальности, консультанта и самих себя.

По окончании «сессии» важный момент — сверка пониманий «ко-терапевтов», установление/подтверждение взаимопонимания: обмен ценностями — представлениями, который демонстрирует значимость взаимопонимания и его развития, важность не-соревновательного (неагрессивного, принимающего) контакта. Взаимопонимание рассматривается как возможность понимания окружающего мира и самих себя, преодоления/снятия ограничений. Происходит со-осмысление проблем и затруднений, связанных с предвзятостью специалиста, возможным наличием «соревнования» с клиентом или ко-терапевтом в рамках «профессионального» контакта. Изучаются возможности их преодоления, происходит осознание собственных возможностей и ограничений, а также общих эффектов взаимодействия профессионалов как людей и специалистов.

Понимание клиента психологом — это понимание ошибочности, ограниченности, их причин — «проблем» и «психопатологий», в т.ч. «ценностных». Оно включает анализ возможности показать ошибочность и ограничения клиента ему самому, возможностей клиента к реалистической оценке происходящего. Иногда — возможностей не-психологического воздействия на «клиента» — при «отказе» или недоступности использования психологических средств. Самопонимание консультанта — осмысление правильности и ограничений собственной позиции и понимания, необходимого поведения и выбора модели общения с «клиентом», непонимание как повод к развитию понимания

Понимание психологом клиента как «коллеги» — включает осознание и коррекцию его манипуляций — в отношениях с другими, анализ способов манипуляции, источников и результатов (целей) манипуляций, особенностей понимания «коллегой» себя и других людей, возможностей и ограничений разных способов их разрушения и осознания «клиентом-коллегой» происходящего. Проблемы понимания клиентом себя и окружающего мира клиентом связываются с содержательными особенностями такого понимания: происходящее понимается как угрожающее и требующее контроля. Осуществляется осмысление характера своего воздействия на мир и возможностей, которые оно дает, ограничений в воздействии на «консультанта». Самопонимание консуль-

танта завершает эту стадию, включая осознание неэтичности использования психологических знаний во вред людям, но — возможности их использования в отношении «вредящих» коллег, важности собранности и усилий к пониманию и изменению клиента, характера оказываемого на клиента воздействия, его последствий — для клиента и его окружения.

Понимание консультантом как «супервизором» своего клиента или ко-терапевта как «коллег» включает анализ соотношения и соблюдения меры «конструктивной» агрессии и результатов помощи, возникающих нарушений, их проявления в деятельности субъекта, ее результатах, динамики развития «патологии» в деятельности «коллег», степени осознания ими собственных проблем и затруднений (наличия и содержания их защит от самопонимания, осознания ими своей деструктивности). Оно предполагает изучение возможных способов коррекции нарушений — своих и самим «клиентом» — коллегой, опирающееся на представление о важности контроля и самоконтроля стремления к власти.

Самопонимание клиента включает обнаружение неосознанных защит и деструктивных стремлений, возможности и необходимости их осознания, контроля и преодоления. Важно также осмысление противоречивости собственных стремлений клиента — к помощи и к разрушению других людей. Самопонимание консультанта и ко-терапевта включают понимание и подтверждение сходства-различия своих — в том числе профессиональных — знаний и позиций, осознание важности внедрения этих знаний и ценностный установок в повседневные социальные отношения. В целом, это предполагает осознание важности понимания других людей, заботы и самозаботы, важности осознания деструктивности в себе, ее контроля, нравственного воспитания.

Второй тип произведений демонстрирует работу «понимающего» психолога (иногда — как ко-терапевта — дублирующего основного специалиста). Он меньше, чем другие ориентирован на воздействие и вмешательство (как это типично для специалиста в первом примере), поэтому — менее агрессивно-амбициозен как специалист и, в отличие от своего коллеги со «специальным образованием», а также в отличие от «эмпатического, но нечестного (закрытого, не принимающего, не доверяющего «клиенту», его внутренней силе) коллеги, добивается успеха — в установлении и развитии психотерапевтических отношений как отношений взаимопонимания и взаимного развития (Приложение №1).

В этой ситуации понимание «неудачливого» ксенопсихолога более «удачливым» ко-терапевтом включает осмысление его моделей его поведения, ценностей, отношения к себе и к людям, особенностей понимания себя и мира, особенностей понимания консультанта другими людьми — в том числе, как причин неудач в профессиональной деятельности. Далее иницируются процессы самопонимания ко-терапевта — понимание своих ценностей, моделей общения и понимания, их несоответствия пониманию, общению и ценностям других людей, возможности непонимания части происходящего и возможности отличий — между людьми — в этих сферах. Во многом это предполагает осмысление «клиента» иной культуры, времени, цивилизации как ко-терапевта — посредника, включает признание его консультативных и посреднических функций — в отношении субъектов разных цивилизаций — челове-

ских и нечеловеческих. Кроме того, происходит анализ его сходства различий с собой, другими людьми, осмысление возможностей и ограничений контакта с человеком (существом), чей опыт столь отличен от обычного и, вместе с тем, содержит сходные черты.

Ответное понимание «клиентом — ко-терапевтом» психолога предполагает осмысление хода его понимания, степени его понимания самого себя и партнера, возможных действий и готовности — неготовности к контакту — развитию понимания, на фоне своего желания или нежелания понимать и общаться. Происходит осмысление ситуации как ситуации полного или частичного взаимонепонимания и нежелания консультанта дать клиенту возможность понять его, осознание различия стремлений, собственных негативных переживаний от присутствия психолога и других людей — вторгшихся без спроса в мир «клиента».

Понимание клиента консультантом включает, далее, ориентацию на понимание клиента в собственных понятиях и на основе собственных стремлений. Осознание того, что исследовательское — не диалогическое понимание клиента приводит к конфликтности ситуации. Это требует анализа различий в стремлениях клиента и консультанта к пониманию, смыслов взаимодействия, нежелания допускать в свое понимание ни клиента, ни ко-терапевта. Понимание ко-терапевтом «клиента» и его консультанта, связанное с осознание ситуации непонимания, недопустимостью «лобовой» ксенопсихотерапии, инициирует стремление решить ее. Решение предполагает опору на выбор клиента, осознание недопонимания собеседниками друг друга. Это непонимание связано с отсутствием учета ими состояния и смыслов взаимодействия друг с другом — их различий, нежеланием консультанта слушать ко-терапевта, учитывать его понимание, стремлением прервать связь ко-терапевта с «клиентом», помешать их взаимопониманию, стремлением «клиента» понять и быть понятым «ко-терапевтом», готовность того учитывать стремление понять происходящее клиентом.

В результате осмысления поведения «клиента» — как посредника между миром людей и нелюдей становится возможным понимание других существ — нелюдей. Оно связано с пониманием того, что они делают с «клиентом»-посредником: как обращаются, во что превращают, как относятся — к человеку, как и с какой целью. Речь идет о реконструкции ценностей и способов воплощения существами разных типов их ценностей, наличие у существ хотя бы минимального желания контакта, минимального стремления быть понятыми и понять людей. Происходит соотнесение этих стремлений, своего стремления понять и быть понятыми. Активизируется исследование и обоснование рассогласования на основе анализа способа жизнедеятельности «посредника-клиента», анализ возможности согласования в диалоге рассогласованных до него способов воплощения общих ценностей.

В ситуации развитого взаимопонимания понимание ситуации ко-терапевтом в его общении с клиентом — предполагает ее осознание как ситуации встречи и взаимообогащения — духовного и т.д., взаиморазвития. Как ситуации становления клиента «человеком» и освоения «ко-терапевтом» иного способа бытия, — нового для себя и для клиента, расширение зоны его профессиональной компетентности, а также как ситуации со своими ритуалами — с их (взаимо-)по-

ниманием и загадками — непониманиями (различными пониманиями) взаимодействия. Понимание «клиентом» и ко-терапевтом друг друга предполагает их со-осмысление друг друга и себя как «необычных» и «обычных» людей, своей роли в жизни другого и функций другого в своей жизни. Вновь, на новом витке, активизируется процесс сопоставления своих и другого существа возможностей и ограничений, осознание факта своего и другого развития, изменения, наиболее важных тенденций этого развития, в том числе — тенденций сближения друг с другом, а также противоречий и тенденций сближения-отталкивания в отношениях с другими. Центральными моментами диалога становятся проблемы частичного сходства — различия способов воплощения ценностей и сходства ценностей разных существ, творческого потенциала (возможностей) такого различия и ограничений, связанных с этим различием — их временного или неизменного характера. Рефлексивный контекст самопонимания ко-терапевта включает осознание своего понимания «клиента» как со-консультанта, со-беседника, как человека и как нечеловека, значимости его присутствия в своей жизни. Резюмирующий аспект — осмысление особенностей взаимоотношений с другим существом, своего отношения и понимания происходящего с ним и в диалоге с ним, типичных моделей общения с другим, возможности «жертв» и необходимости толерантности и принятия ради общения и развития понимания — своего и другого человека — ради взаимоотношений (взаимоотношений взаимопонимания).

Приведенные примеры иллюстрируют несколько важных моментов:

1. Возможности обыденной психотерапевтической помощи в решении проблемы взаимоотношений и личностного развития героев — на уровне изменения их поведения, способов понимания происходящего и ценностей — сопоставимы с возможностями профессиональной психологической помощи, в которой один человек действительно заинтересован в том, чтобы понять и помочь другому, сохранить и/или развить с ним отношения;

2. Эффективность помощи, как и в других типах произведений, во многом противопоставляется успешности — «длительный и трудный поиск себя» — «подготовка к более радикальным и устойчивым изменениям», быстрые изменения рассматриваются как временные или «имитируемые» клиентом, реже — как подтверждающие компетентность психолога;

3. Особое значение имеет изначальное представление героев о различиях друг друга, а также о различиях их ценностей, пониманий и моделей общения, меньшее — ситуация взаимодействия, изначально множественная по своему смыслу встреча «чужих» людей, пытающихся найти общий язык — взаимопонимание. Здесь речь идет о выходе непосредственно на обобщенную — жизненную ситуацию каждого из участников как воплощение разделяемых ими ценностей, сопоставление этих способов воплощения, стоящих за ними ценностей. Ситуация актуального контакта — всего лишь в разной мере полная, но точная «презентация» этой общежизненной для партнеров ситуации;

4. Перед обыденными «психологом» и «клиентом» стоит задача понимания не только «клиента», но и самих себя — как клиентов и как психотерапевтов — важности собственного понимания и важности быть понятным и понятным другим, осмысление своих ресурсов и ограничений, их проявлений в процесса взаимопонимания т.д.. В этом смысле обыденный психотерапевтический «ксенопсихологический» контакт более подвижен: «клиенты», «консультан-

ты», «ко-терапевты» и «супервизоры» меняются местами, помогая или мешая друг друга на пути построения взаимопонимания.

В описании ситуаций профессиональных ксенопсихотерапевтических отношений участвуют:

1. «Плохие профессионалы» — обычно — главные герои или герои второго плана, вольно или невольно усиливающие страдания и/или общее неблагополучие «клиента», усиливающие непонимание. Это люди, которые «мстят» клиенту за его «непослушание» или иные «грехи», вплоть до «грехов» иных — значимых для консультанта — людей, непосредственное «отмщение» которым невозможно. Профессиональная и личностная незрелость побуждает к попыткам навязать «клиенту» свои ценности, модели поведения и способы понимания и/или отличную от психологической «помощь» клиенту;

2. «Хорошие» психотерапевты, волонтеры — «мудрые люди» или «профессора — люди чести», характеризуются высокой личностной и профессиональной зрелостью, часто, как и в других типах произведений, противостоя «плохим» психотерапевтам, спасая клиентов, противопоставляя им свои ценности, модели поведения и способы понимания, вмешиваясь или не вмешиваясь в ценности, поведение и понимание самих клиентов (толерантность к непониманию происходящего с клиентом);

3. Клиенты, пострадавшие в результате какого-то локального или глобального научного эксперимента, катастрофы и т.д., которые встречаются со специалистом в кризисных ситуациях своей жизни, иногда — попадают в специализированную психиатрическую клинику и т.д. Они могут быть и бывшими преступниками и/или жертвами преступления, провоцирующими «ксенопсихотерапевта», «испытывающими его на прочность», нарушающими его целостность и психическое здоровье и/или обращающиеся к нему как к последней надежде на исцеление.

Психотерапевтическая ситуация — ситуация реабилитации клиента после психической травмы или жизненного кризиса в условиях стационара, в условиях свободного посещения специалиста или в повседневном общении «клиента» с о своим близким — «волонтером» или профессиональным психотерапевтом (или лицом, его заменяющим — ксенопсихологом, этнопсихологом, шаманом, гуру, т.д.). (Сравнение возможностей обычного консультирования и психотерапии и космической, «ксенопсихотерапии» демонстрирует как сходство, так и различие моделей и эффектов взаимодействия (Таблица №1).

Ксенопсихотерапевтическая ситуация включает:

1. Историко-культурный (пространственно-временной) контекст и его конкретное воплощение в жизни субъекта — человека или не-человека: его целостной жизненной ситуации как результата способов воплощения им его жизненных — человеческих и не-человеческих ценностей;

2. Инцидент, потрясение — необычное и в разной мере травматичное для человека событие — «столкновение с иной реальностью» — как встреча человека с «иной ситуацией собственной жизни» или с «иным человеком»;

3. «Топтание вокруг да около» — «самоподтверждающиеся пророчества» о невозможности и ненужности изменений, невозможности или возможности преодоления непонимания, отчуждение — опустошение и/или избегание повторных столкновений с «иным», активизация «защитных механизмов», а не

личностное развитие;

4. Поиск изменений, встреча и «путешествие» — к поиску нового понимания человеком самого себя и окружающего мира — т.е. сама по себе ситуация психотерапии, поиск, «разоблачение» или «случайное обнаружение» спрятанного от самого себя и от других — собой и другими людьми, умение «отпускать», то, что раньше удерживалось, разнообразить ранее единообразное;

5. «Посттерапевтическая ситуация» — привнесение изменений в жизнь «клиента» и жизнь других людей, становление клиента самопсихотерапевтом, психотерапевта — клиентом и учеником, принятие обыденности как полифоничной и изменяющейся, уместные и подвижные защиты собственных и чужих границ — забота о себе и о другом, реже — отчаяние и отказ от понимания.

В целом, возможности и ограничения обыденных и профессиональных ксенопсихотерапевтических взаимоотношений в фантастических произведениях приближаются к реальным профессиональным нормам. В некоторых случаях, когда в окружении субъекта не находится человека, могущего помочь и заинтересованного в такой помощи, более успешной и эффективной может оказаться профессиональная помощь, в которой клиент получает развернутую прямую и обратную связь о понимании им себя и окружающего мира. В случае профессиональной ксенопсихотерапевтической помощи обычно идет речь о взаимной помощи и о необходимости понимания субъектами друг друга, через осмысление себя и своих отношений.

Таблица №1. Психотерапевтические и ксенопсихотерапевтические отношения: особенности и стадии взаимопонимания

Ксенопсихотерапевтические отношения	Психотерапевтические отношения
<ul style="list-style-type: none"> <input type="checkbox"/> равенство субъектов и\или смена ролей «консультант» — «клиент» <input type="checkbox"/> совместное понимание — и понимание друг друга — ведущие фокусы взаимоотношений <input type="checkbox"/> техники обмена пониманиями и обмен непониманиями вместе с готовностью к принятию непонимания и толерантному пониманию <input type="checkbox"/> в контакт обязательно привносится духовное измерение и психофизиологическое измерение — <input type="checkbox"/> возникает проблема совместимости-несовместимости, сопоставляемая с проблемой личностных различий и барьеров понимания, 	<ul style="list-style-type: none"> <input type="checkbox"/> стремление к паритетности и отношения власти-подчинения <input type="checkbox"/> совместное понимание и понимание консультанта — ведущие фокусы взаимоотношений <input type="checkbox"/> техники, подобные техникам «гуру» — работа с изменениями состояний сознания <input type="checkbox"/> психологический уровень, реже — интеграция с духовным и психофизиологическим, <input type="checkbox"/> духовное в контексте помощи обычно не рассматривается, что снижает ее эффективность и сводит помощь к поиску проблем и патологий, а не к пониманию индивидуального способа воплощения человеческих ценностей в жизни конкретного
<ul style="list-style-type: none"> <input type="checkbox"/> примирение с другим и с собой: построение «канала» взаимопонимания с другим, «обособление» ниш существования каждого, постепенное изменение границ в связи с расширением «канала» взаимопонимания 	<p>человека. в том числе — в его физических и психологических проявлениях и «нарушениях»,</p> <ul style="list-style-type: none"> <input type="checkbox"/> нахождение человеком собственного пути или адаптация к миру — решение о том, что считать чужим, а что — своим, изменение границ

Стадии взаимопонимания:	Стадии взаимопонимания:
<ol style="list-style-type: none"> 1. предъявление — обмен схемами и их отторжение, непонимание, фиксация отличий понимания и жизнедеятельности в целом и необходимости осмысления их источников и результатов, 2. обмен пониманиями и сопоставление ценностей, вычленение возможностей освоения способов и схем понимания человека иной цивилизации, 3. создание общих способов понимания и установление циклов развития взаимопонимания как циклов обмена понятным и непонятым, понятным и непонятым 	<ol style="list-style-type: none"> 1. понимание клиентом психотерапевтической ситуации и предъявление собственных схем и способов понимания консультанту, 2. понимание психологом клиента и предъявление собственных схем и способов понимания, 3. присвоение или конфликт отвержения клиентом схем и способов консультанта («индоктринация»), реже — создание общих схем и способов осмысления происходящего

Важно отметить, что в данном случае речь идет о том, что отношения с «другим», проявляющего желание помочь или способного в силу своего отличного от клиента (космического путешественника) жизненного опыта это сделать, оказываются трансформирующими уже потому, что «фрустрируются» повседневные, рутинные для человека, привычные и ставшие шаблонными модели отношений. «Иной», «другой» дает человеку клиенту развернутую прямую и обратную связь о себе и других людях, обнаруживает и предоставляет их для сопоставления (консоционные связи) собственные смыслы жизнедеятельности. В фантастических произведениях, описывающих «ксенопсихотерапевтические» контакты, возможности и ограничения обыденных и профессиональных взаимоотношений приближаются к профессиональным, однако, речь чаще идет о взаимопомощи и о необходимости понимания субъектами друг друга, через осмысление себя и своих отношений. Аналогично, в философских, лингвистических и психологических ксенологических исследованиях человеческих отношений как отношений взаимопонимания, акцентирующих «иллюзию доступности пониманию» подчеркивается взаимность трансформации и инверсии консультативных (психотерапевтических) отношений [Ванденфельс, 1999; Делез, 1996; Михайлов, 1997; Подорога, 1995; Хантингтон, 1997; Шапинская, 2012; Шукуров, 1999], влияние результатов взаимопонимания на жизнедеятельность индивидов и сообществ (их «смысловые вселенные»). Заметим также, что в близких научно-фантастическим текстам, описывающих духовно-ориентированное взаимодействие («эзотерических текстах», текстах «окультистического содержания») прослеживаются черты, аналогичные супервизорской поддержке: обращенность к рефлексии, осмыслению различных фокусов миропонимания (себя, другого, мира), их взаимодействия, стратегий (интерпретирующих и интегрирующих) понимания, стадий, эффектов и «артефактов» взаимопонимания, личностных и межличностных контекстов и последствий взаимодействия (изменений общения и поведения человека, его ценностей, понимания себя и мира, его личности и отношений, деятельности и всего бытия). Ксенопсихотерапевтическое взаимодействие обращено на рефлексию, взаимное самопреобразование участников полилога: человек и «иной» общаются как

существа единого универсума, познавая друг в друге то, что может и не может быть осмыслено, сдвигаясь перед лицом невозможного понимания, называя непонятное непонятым и продолжая стремиться — осмыслить — вопреки всему: что же есть человек, что есть — его жизнь, что есть — мир. Продленность человека в мир и мира в человека, порождение — человеком мира и миром человека, сопровождающие их воплощение, перевоплощение и превращение — обычные и необычные аспекты постижения себя и мира, с которыми сталкивается человек в диалоге с Вселенной, с пространством и временем, бытием. Бытие, его основы, — вот с чем беседует человек, подчас безуспешно пытаясь постичь самого себя и жизнь. Однако, эта «безуспешность» оказывается гораздо более продуктивной привычного успеха: встряска захватывает не столько все существо человека, его жизнь меняется и никогда не будет прежней, уже потому, что вернувшись на землю, ему некому рассказать и нет слов рассказать о том, что произошло. «Все изменилось» — начиная с самого человека и заканчивая миром, ставшим частью самого человека, покинувшего свою колыбель — землю — ради развития. Начав с попытки интерперсонального взаимодействия, отношений, человек возвращается — субъектов трансперсональных отношений, он возвращается как единство: человека и мира.

Приложение №1.

Фрагмент научно-фантастического текста

Он вызывает меня всякий раз, когда ему хочется побеседовать.

— Здравствуй, Ст., — говорит он. — Побеседуем? Давай?

Для связи выделено четыре часа в сутки, но он никогда не выдерживает расписания. Он его не признает. Он вызывает меня, когда я сплю, когда я сижу в ванне, когда я пишу отчеты, когда я готовлюсь к очередному разговору с ним, когда я помогаю ребятам, которые по винтику перебирают охранный спутник Странников... Я не сержусь. На него нельзя сердиться.

— Здравствуй, Малыш, — отзываюсь я. — Конечно, давай побеседуем.

Он жмурится, как бы от удовольствия, и задает свой стандартный вопрос:

— Ты сейчас настоящий, Ст.? Или это твое изображение?

Я уверяю его, что это я, собственной персоной, Ст. П., лично и без никаких изображений. Уже много раз я объяснял ему, что не умею строить изображения, и он, по-моему, давным-давно это понял, но вопрос остается. Может быть, он так шутит, может быть, без этого вопроса он не представляет себе нормальный обмен приветствиями, а может быть, ему просто нравится слово «изображение». Есть у него любимые слова — «изображение», «феноменально», «по бим-бом-брамселям»...

— Почему глаз видит? — начинает он.

Я объясняю ему, почему видит глаз. Он внимательно слушает, то и дело прикасаясь к своим глазам длинными чуткими пальцами. Он великолепно умеет слушать, и хотя теперь он бросил эту свою манеру — метаться как угорелый, когда его что-нибудь особенно поражает, — я все время чувствую в нем какой-то азарт, скрытую буйную страсть, неопиcуемый, недоступный мне, к сожалению, всепоглощающий восторг узнавания.

— Феноменально! — хвалит он, когда я заканчиваю. — Щелкунчик! Я это обдумую, а потом спрошу еще раз...

Между прочим, эти его одинокие размышления над прослушанным (бешеный танец лицевых мускулов, замысловатые узоры из камней, прутьев, листьев) наводят его иногда на очень странные вопросы. Вот и сейчас:

– Как узнали, что люди думают головой? — спрашивает он.

Я слегка ошарашен и начинаю барахтаться. Он слушает меня по-прежнему внимательно, и постепенно я выплываю, нащупываю твердую почву под ногами, и все идет вроде бы гладко, и оба мы вроде бы довольны, но когда я заканчиваю, он объявляет:

– Нет. Это очень частное. Это не всегда и не везде. Если я думаю только головой, то почему я совсем не могу размышлять без рук?..

Я чувствую, что мы вступаем на скользкую почву. Центр категорически предписал мне любой ценой уклоняться от разговоров, которые могли бы навести Малыша на идею аборигенов. И предписал, надо сказать, правильно. Со всем избежать таких разговоров не удастся, и в последнее время я заметил, что Малыш как-то очень болезненно переживает даже собственные ссылки на свой образ жизни. Может быть, начинает догадываться? Кто его знает... Я уже несколько дней жду его прямого вопроса. Хочу этого вопроса и боюсь его...

– Почему вы можете, а я не могу?

– Этого мы еще толком не знаем, — признаюсь я и осторожно добавляю: — Есть предположение, что ты все-таки не совсем человек...

– Тогда что же такое человек? — немедленно осведомляется он. — Что такое человек совсем?

Я очень неважно представляю себе, как можно ответить на такой вопрос, и обещаю рассказать ему об этом в следующую встречу. Он сделал из меня настоящего энциклопедиста. Иногда я круглые сутки глотаю и перевариваю информацию. Главный Информаторий работает на меня, крупнейшие специалисты по самым различным отраслям знания работают на меня, я обладаю правом в любую минуту связаться с любым из них и просить разъяснений — относительно моделирования П-абстракций, обмена веществ у абиссальных форм жизни, методики построения шахматных этюдов...

– У тебя усталый вид, — сочувственно замечает Малыш. — Ты устал?

– Ничего, — говорю я. — Терпеть можно.

– Странно, что ты устаешь, — сообщает он задумчиво. — Я почему-то никогда не устаю. А что такое, собственно, усталость?

Я набираю в грудь побольше воздуха и принимаюсь объяснять ему, что такое усталость. Не переставая слушать, он раскладывает перед собою камешки, которые обработал для него старый добрый Том, придав им форму кубиков, шаров, параллелепипедов, конусов и более сложных фигур. К моменту, когда я заканчиваю, перед Малышом вырастает сложнейшее сооружение, решительно ни на что не похожее, но тем не менее в своем роде гармоническое и странно осмысленное.

– Ты рассказал хорошо, — говорит Малыш. — Скажи мне, наша беседа записывается?

– Да, конечно.

– Изображение хорошее, четкое? Изображение!

– Как всегда.

– Тогда пусть эту фигуру посмотрит дед. Посмотри, дед: узлы остывания здесь, здесь и здесь...

Дед Малыша, П.А.С., работает в области реализации абстракций в смысле Парсивала. Он довольно рядовой ученый, но большой эрудит, и Малыш поддерживает с ним постоянную творческую связь. Павел Александрович говорил мне, что Малыш мыслит зачастую наивно, но всегда оригинально, и некоторые из его построений представляют определенный интерес для теории Парсивала.

— Обязательно, — говорю я. — Непременно передам. Сегодня же.

— А может быть, это пустяки, — вдруг заявляет Малыш и одним движением сметает всю свою конструкцию. — Что сейчас делает Л.? — спрашивает он.

Л. — это старший инженер базы, большой шутник и анекдотчик. Когда Л. беседует с Малышом, околопланетный эфир заполняется хохотом и азартными визгами, а я испытываю что-то вроде ревности. Малыш очень любит Л. и обязательно каждый раз спрашивает о нем. Иногда он спрашивает и о В., и тогда чувствуется, что сладостная тайна бакенбард до сих пор осталась для него неразгаданной и острой. Раз или два он спросил о К., и мне пришлось объяснить ему, что такое проект «Ковчег-2», а также зачем этому проекту нужен ксенопсихолог. А вот о М. он не спросил ни разу. Когда я сам попытался заговорить о ней, когда попытался объяснить, что М., если и обманывала, то для его же, Малыша, пользы, что из нас четверых именно М. первая поняла, как тяжело Малышу и как он нуждается в помощи, — когда я попытался все это ему растолковать, он просто встал и ушел. И точно так же встал и ушел, когда я однажды, к слову, принялся объяснять ему, что такое ложь...

— Л. спит, — говорю я. — У нас тут сейчас ночь, вернее, ночное время бортовых суток.

— Значит, ты тоже спал? Я тебя опять разбудил?

— Это не страшно, — говорю я искренне. — Мне интереснее с тобою, чем спать.

— Нет. Ты иди и спи, — решительно распоряжается Малыш. — Странные мы все-таки существа. Обязательно нам нужно спать.

Это «мы» подобно бальзаму проливается на мое сердце. Впрочем, Малыш последнее время часто говорит «мы», и я уже понемножку начал привыкать.

— Иди спать, — повторяет Малыш. — Но только скажи мне сначала: пока ты спишь, никто не придет на этот берег?

— Никто, — говорю я, как обычно. — Можешь не беспокоиться.

— Это хорошо, — говорит он с удовлетворением. — Так ты спи, а я пойду поразмышляю.

— Конечно, иди, — говорю я.

— До свидания, — говорит Малыш.

— До свидания, — говорю я и отключаюсь.

Но я знаю, что будет дальше, и я не иду спать. Мне совершенно ясно, что сегодня я опять не высплюсь.

Он сидит в своей обычной позе, к которой я привык и которая уже не кажется мне мучительной. Некоторое время он всматривается в потухший экран во лбу старины Тома ... Малыш рассеянно озирается, пальцы его перебирают отшлифованные камешки. Он ... некоторое время сидит неподвижно, понуриив голову. Потом, решившись, он протягивает руку прямо ко мне и нажимает клавишу вызова под самым носом у Тома.

- Здравствуй, Ст., — говорит он. — Ты уже поспал?
 - Да, — отвечаю я. Мне смешно, хотя спать хочется ужасно.
 - А хорошо было бы сейчас поиграть, Ст.. Верно?
 - Да, — говорю я. — Это было бы неплохо.
 - Сверчок на печи, — говорит он и некоторое время молчит.
- Я жду.
- Ладно, — бодро говорит Малыш. — Тогда давай опять побеседуем. Давай?
 - Конечно, — говорю я. — Давай.

В этом фрагменте можно увидеть несколько моментов. Понимание ситуации ко-терапевтом:

- как ситуации встречи и взаимообогащения — духовного и т.д., взаиморазвития,
- как ситуации становления клиента «человеком» и освоения «ко-терапевтом» иного способа бытия, — нового для себя и для клиента, расширение зоны его профессиональной компетентности,
- как ситуации со своими ритуалами — пониманием и взаимопониманием, и загадками — непониманиями (различными пониманиями) взаимодействия, установление циклов развития взаимопонимания как циклов обмена понятным и непонятым, понятным и непонятым

Понимание «клиента» ко-терапевтом и клиентом ко-терапевта:

- как людей и как необычных людей, своей роли в жизни другого, роли другого в своей жизни, своих и другого возможностей и ограничений,
- своего и другого развития, тенденций этого развития, в том числе — тенденций сближения, а также противоречий и тенденций сближения-отталкивания в отношениях с другими,
- частичного различия способов воплощения ценностей и сходства ценностей, творческого потенциала (возможностей) такого различия и ограничений, связанных с этим различием — их временного или неизменного характера

Самопонимание ко-терапевта:

- своего понимания «клиента» как «ко-терапевта», человека и нечеловека,
- значимости его присутствия в жизни «ко-терапевта», особенностей их взаимоотношений, своего отношения и понимания происходящего, моделей общения с другим,
- возможность «жертв» ради общения и развития понимания — своего и другого человека — ради взаимоотношений (взаимоотношений взаимопонимания)



References

- Арпентьева, 2015 — Арпентьева М. Р. «Аллологический подход и космические путешествия в развитии человеческого сознания» / *Philosophy and Cosmology* 2015 (Том 14) — Киев: ISPC, 2015. — С. 139-152
- Базалук, 2012 — Базалук О.А. Космические путешествия — путешествующая психика: курс лекций. К.: КНТ, 2012. — 424с.

- Базалук*, 2014 — Базалук О. А. Модель эволюции разумной материи / *Philosophy and Cosmology 2014* (Том 12) — Киев: МФКО, 2014. — С. 165-196
- Ванденфельс*, 1999 — Ванденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // *Мотив чужого: сб / Науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова*. — Мн.: Прописи, 1999. — С. 123–139.
- Делез*, 1997 — Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. / *Комментарии. № 10*. — М., СПб.: Наука, 1996. — С. 85
- Михайлов*, 1997 — О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // *От Я к Другому. Сб. переводов / Под ред. А.А. Михайлова*. — Мн.: Навука, 1997. — 276 с.
- Подорога*, 1995 — Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. — М.: Admarginem, 1995. — С. 144-145, 30-31.
- Солер*, 1992 — Солер К. Клинические уроки перехода // *Логос*. — 1992. — №3. — С.178–189.
- Хантингтон*, 1997 — Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // *Pro et Contra. Распад и рождение государств*. — Т. 2. — 1997. — №2. — С.117.
- Шукуров*, 1999 — Чужое: опыт преодоления./ Под ред. Р.М. Шукурова. — М.: Алетея, 1999. — 384с.
- Шапинская*, 2012 — Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. — М.: Красанд, 2012. — 214 с.
- Шипунов*, 1992 — Шипунов Ф.Я. Истина великой России. М.: Молодая гвардия, 1992. — 352 с.
- Ryman*, 2009 — *When It Changed: Science Into Fiction* / Eds. by G. Ryman, P. Duncker, J. Robson. — UKL.: Comma Press, 2009. — 276p.
- Legatt*, 2011 — Legatt J.h. *Fantasy, Science Fiction, and Speculative Fiction* // *The Encyclopedia of Twentieth-Century Fiction*. / J.Cl.t Ball. — N.-Y.: John Wiley & Sons, 2011. — V III. *Twentieth-Century World Fiction*. — P. 1066-1077.



References

- Arpentieva Maryam. Allological approach and space travel in the development of human consciousness / *Philosophy and Cosmology 2015* (Vol.14): academic journal — Kiev: ISPC, 2014 — P.139-152
- Bazaluk O.A. *Kosmicheskie puteshestviya — puteshestvuyushchaya psihika: kurs lektsij* [Space travel — traveling mentality: a course of lectures]. — K.: KNT, 2012. — 424p.
- Bazaluk O.A. *The Evolution Model of Intelligent Matter* / *Philosophy and Cosmology 2014* (Vol.12): academic journal / editor-in-chief O. Bazaluk — Kiev: ISPC, 2014 — P. 165-196
- Vandenfels B. *Otvet chuzhому: osnovnye cherty respozivnoj fenomenologii* [Answer the stranger: main features responsibly phenomenology] // *Motiv chuzhogo: sb / Nauch. red. A. A. Mihajlov; T. V. Shchitsova*. — Mн.: Propilei, 1999. — P. 123–139.

- Delez J. Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo [Michel Tournier and the world without the Other] // Kommentarii. № 10. — М., SPb.: Nauka, 1996. — P. 85
- O razbotkah problemy Chuzhogo v sovremennoj filosofskoj mysli [On the development of Another problem in contemporary philosophical thought] // Ot Ya k Drugomu. Sb. perevodov: /Pod red. A.A. Mihajlova. — Mn.: Navuka, 1997. — — 276 s.. — P.34.
- Podoroga V. Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology]. — М.: Admarginem, 1995. — P. 144-145, 30-31.
- Soler K. Klinicheskie uroki perekhoda [Clinical lessons of transition] // Logos. — 1992. — №3. — P.178–189.
- Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsij i izmenenie mirovogo poryadka [The Clash of civilizations and the changing world order] // Pro et Contra. Raspad i rozhdenie gosudarstv. — T. 2. — 1997. — №2. — P.117.
- Chuzhoe: opyt preodoleniya [Alien: the experience of overcoming it]/ Pod red. R.M. Shukurova. — М.: Aleteja, 1999. — 384p.
- Shapinskaya E.N. Obraz Drugogo v tekstah kul'tury [The image of the Other in the texts of culture]. — М. : Krasand, 2012. — 214 p.
- Shipunov F.Y. Istina velikoj Rossii [The Truth of the great Russia]. М.: — Molodaya gvardiya, 1992. — 352 p.
- When It Changed: Science Into Fiction / Eds. by G. Ryman P. Duncker, J.Robson. — UKL.: Comma Press, 2009. — 276p.
- Legatt J.h. Fantasy, Science Fiction, and Speculative Fiction // The Encyclopedia of Twentieth-Century Fiction. / J.Cl.t Ball. — N.-Y.: John Wiley & Sons, 2011. — V III. Twentieth-Century World Fiction. — P. 1066-1077.